

IV АВТОРСКО-ЧИТАТЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОВОЛЖСКОГО АНТИКОВЕДЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ANTIQUITAS AETERNA»

(Казань, 18–19 мая 2017 г.)

В Институте международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета 18–19 мая 2017 г. прошла IV авторско-читательская международная научно-образовательная конференция Поволжского антиковедческого журнала «Antiquitas aeterna», которая была посвящена теме «Эллины, греки, варвары: сходства и различия» (первые три таких мероприятия проводились в Нижегородском государственном университете в 2010, 2014, 2016 гг.). В рамках данной темы участникам было предложено сосредоточить внимание не только и не столько на «образе другого/иного/чужого» в различных его аспектах (такой подход является традиционным для современного антиковедения и порой кажется уже несколько односторонним), сколько на особенностях восприятия представителями различных цивилизаций, этносов и государств древнего мира одних и тех же, близких или сходных явлений. Акцентирование не только различий, но в первую очередь именно сходств позволяет выявить связи между несколькими субъектами, возникавшие и эволюционировавшие в их отношении к одному и тому же объекту (природным и общественным феноменам, государственным институтам, политическими и культурным дискурсам и пр.).

На этот раз конференция наряду с научной составляющей имела и значительный образовательный компонент. Студенты-историки и лингвисты КФУ получили возможность прослушать четыре лекции, прочитанные ведущими российскими и зарубежными специалистами. *К. Таплин* (Ливерпуль) выступил с лекцией «War and Peace in Achaemenid Imperial Ideology»; *О.Л. Габелко* (Москва) прочитал лекцию «Nomina sunt odiosa, formosa, gloriosa... Неофициальные прозвища эллинистических правителей»; *И.Е. Суриков* (Москва) посвятил свое выступление теме «Классическая афинская демократия: политическое и правовое сознание граждан»; в лекции профессора *А. Меля* (Галле/Берлин) получила освещение тема «Römer und Germanen – Geschichte und Mythos».

Из 42 первоначально заявленных докладов были представлены 34, в том числе 3 по скайпу. В работе конференции приняли участие исследователи из 9 городов России, а также зарубежные коллеги из Великобритании, Германии, Мексики, Турции, Украины. Первое пленарное заседание открыл доклад профессора *А. Меля* (Берлин/Галле) «Some Thoughts about Inclusion and Exclusion of Ethnic Groups in Ancient Colonization», в котором автор, рассматривая контакты между колонистами и туземцами, предпринял попытку обнаружить указания на взаимное восприятие этих двух групп, отметив, в частности, что оно изменялось в результате накопления знаний о чужаках, а половой дисбаланс между колонистами, бывшими в основном молодыми мужчинами, и местными жителями, половину которых составляли женщины, обуславливал особые формы коммуникации и направления взаимного восприятия. *И.Е. Суриков* (Москва) выступил с докладом «Греческий Аполлон (или два Аполлона?), лидийцы и персы». В докладе речь шла о двух важнейших эпиклезах (и, соответственно, культах) бога Аполлона – об Аполлоне Пифийском (Дельфийском) и Аполлоне Делосском, и прежде всего об отношении к ним в VI–V вв. до н.э. двух «варварских» народов – лидийцев и персов, или, говоря конкретнее, лидийских Мермнадов и персидских Ахеменидов. Автор попытался контрастно сопоставить подходы этих двух династий к культам Аполлона (Мермнады покровительствовали Аполлону Пифийскому, а Ахемениды, напротив, Аполлону Делосскому) и сделать на основе такого сопоставления определенные выводы. В докладе *А.В. Подосинова* (Москва) была предпринята попытка рассмотреть соотношение двух версий одной и той же легенды о любовной связи Геракла с местной женщиной-варваркой, рождении ею от Геракла сына и обретении им царства после натягивания лука, оставленного родителем. В одной версии, сообщаемой Геродотом, речь идет о скифах, в другой – о кельтах (Диодор, Парфений и др.), и вопрос о приоритете того или другого варианта остается дискуссионным.

Наиболее обширной и разнообразной в тематическом и хронологическом отношении стала секция I «Греки и народы Востока: от архаики до эллинизма»: на ее заседаниях были представлены девять докладов. *К. Улановский* (Гданьск) в докладе «Could we talk about the Mesopotamian influence on the Greek divination?» (зачитан по скайпу) обратил внимание, что в древнем мире, несомненно, дивинация была широко распространенным явлением, причем на Ближнем Востоке и в Средиземноморье наблюдалась общность форм и традиций с местными вариациями и межкультурными взаимовлияниями. В библиотеке Ашшурбанапала было найдено более 300 табличек, посвященных спискам знамений — больше, чем документов какого либо другого вида. Эти таблички включали собрание знамений различных типов и категорий, в том числе и относящиеся к внутренностям принесенных в жертву животных. Как отмечает автор доклада, греки редко упоминали о влиянии месопотамской цивилизации на их собственную. Что же касается дивинации, в обеих цивилизациях предсказатели являлись выразителями воли богов. В Месопотамии их атрибутом был трон, в Греции — венок. В этом отношении ввиду общности атрибутов следует поставить вопрос о возможном влиянии Месопотамии на искусство греческой дивинации. Месопотамскую проблематику продолжила *Е.М. Берзон* (Москва) в докладе «Βασιλεία и šarrūtu: восприятие царской власти Селевкидов в историко-культурном контексте эллинистической Вавилонии». Она затронула проблемы этноязыкового взаимодействия между правящей греко-македонской элитой царства Селевкидов и ее вавилонскими подданными. Е.М. Берзон провела сравнительный анализ терминов, использовавшихся в древнегреческом и аккадском языках для обозначения царской власти — βασιλεία и šarrūtu. Особый акцент был сделан на особенностях словоупотребления аккадского термина именно в эллинистический период: автор проанализировала соответствующие примеры из астрономических дневников и так называемого «цилиндра Антиоха I». Принимая во внимание ограниченность источниковой базы по селевкидскому периоду, Е.М. Берзон пришла к выводу, что по своему лексическому смыслу понятия βασιλεία и šarrūtu довольно близки, и поэтому существенных идеологических проблем, связанных с восприятием власти македонской династии жителями Вавилонии, скорее всего не возникало. Если же говорить о различиях в семантике этих понятий, то вавилонская šarrūtu в отличие от македонской βασιλεία не имела выраженного персонального характера. Сами цари из династии Селевкидов стремились репрезентировать в себя в более привычном для их месопотамских подданных образе, не претендуя при этом на богоравный статус.

Трое участников обратились к греко-персидской тематике. В докладе *В.П. Орлова* (Казань) «Греческие и персидские атрибуты власти в визуальных источниках Ахеменидской эпохи» была сделана попытка проанализировать, как одни и те же предметы использовались для репрезентации власти в визуальных источниках, сохранившихся от эллинов и персов. В частности, была рассмотрена роль трона как атрибута власти у греков и ахеменидских великих царей и серьги как статусная вещь, которая активно часто появлялась в изображениях персидской знати. Автор пришел к выводу, что эллины использовали трон в качестве символа или атрибута власти только в связи с богами, в частности Зевсом и Афиной. В свою очередь, персы изображали на троне Великого царя начиная уже с VI в. до н.э. Эта традиция сохраняется и после падения Персидской державы. К примеру, Багадат, наместник Персиды, входившей в державу Селевкидов, демонстративно копирует тронные изображения Великого царя на собственных монетах. *Э.В. Рунг* (Казань) в докладе «“Долгорукий царь?”». Греческие прозвища ахеменидских монархов» рассмотрел свидетельства античных авторов о неофициальных прозвищах персидских царей династии Ахеменидов. Особое внимание автор уделил интерпретации прозвища Μακρόχρῃρ, выделяя два варианта его перевода на русский язык: «длиннорукий» и «долгорукий». В первом случае речь должна идти об отношении античных авторов к носителю этого прозвища как к человеку, у которого одна рука была длиннее другой. Во втором случае прозвище должно быть истолковано метафорически: его носитель воспринимался как правитель, претендующий на расширение своих владений. Автор привел аргументы в пользу каждой из двух интерпретаций, сделав в итоге вывод о том, что первая интерпретация прозвища поспособствовала появлению второй. Кроме того, была исследована возможность отнесения прозвища Μακρόχρῃρ к каждому из трех персидских царей: Дарию I, Ксерксу и Артаксерксу I. Проведенный анализ позволяет согласиться с античной традицией, которая в большинстве случаев относит эпитет Μακρόχρῃρ именно к Артаксерксу I; также была намечена перспектива изучения данного вопроса с медицинской точки зрения. *К.А. Киляшова* (Казань) в докладе «Барсина, дочь Артабазы: между персами и греками» рассмотрела взаимоотношения представительницы знатной персидской семьи Барсины и ее родственников с Ментором и Мемноном Родосскими, двумя братьями-наемниками на персидской службе, а также с Александром Македонским.

Главной причиной установления данных отношений, в том числе в их матримониальной составляющей, являлось аристократическое происхождение Барсины; было обращено внимание также на то, что в личности этой женщины отразилось взаимовлияние двух цивилизаций и культур.

Три выступления были посвящены греко-египетским взаимодействиям. А.А. Синицын (Санкт-Петербург/Саратов) в докладе «Древнегреческий *tárxos* и экзотический *tárxos* Αἰγύπτου в “Финее” Софокла (fr. 712 TGF 4 Radt = Athen. III. 119c)» проанализировал античные литературные источники, где говорится о вяленой/сушеной рыбе (*tárxos*), и обратил внимание на уникальное упоминание «варварской» диковинки, которая встречается во фрагменте Софоклова «Финей»: νεκρὸς *tárxos* εἰσορᾶν Αἰγύπτου («мертвый, на вид — египетский *тари-хос*»). Словом *tárxos*, как известно, греки называли египетские мумии. Обычно исследователи сопоставляют этот стих Софокла со свидетельством Геродота о египетских мумиях и утверждают, что афинский драматург опирался на сведения о них, полученные из «Истории». Докладчик показал, что о мумиях (hic: *tárxos* Αἰγύπτου) грекам было известно (разумеется, не об их изготовлении, о чем подробно рассказывает «отец истории» (Hdt. II. 86–90), но о самом феномене) издавна — за столетие до Геродота — от самих же юго-восточных соседей, с которыми у них были тесные контакты. Античный мир знал об этой уникальной «варварской» (для греков — исключительно египетской) практике, ведь иначе аудитории Софокла показалось бы непонятным метафорическое сравнение главного героя драмы Финей (?) с экзотической египетской реалией. И.А. Ладынин (Москва) в докладе «Сесонхосис “новый”, “молодой” или “возрожденный”? Комментарий к Hist. Alex. Magni, A. I.34.2» обратился к фрагменту позднеантичного «Романа об Александре», в котором его главный герой сопоставляется с великим царем египетского прошлого. Перевод словосочетания νεόν Σεσούχωσι в этом контексте как «возрожденным Сесонхосисом» представляется корректным с точки зрения как собственно значения древнегреческого слова νεός и параллелей к нему в древнеегипетских текстах, так и смысла данного фрагмента. А.Л. Зелинский (Киев) в режиме онлайн представил доклад «Фараон со связкой молний: интерпретация таниского барельефа», в котором был дан детальный анализ одного из наиболее интересных артефактов, найденного Ф. Питри в ходе раскопок на территории древнего Таниса (British Museum, EA 1056). На этом памятнике, который большинство исследователей относят к 270–246 гг. до н.э., изображены наделенный божественной атрибутикой Птолемей II и его покойная вторая супруга Арсиноя II. Вопреки мнению Ш. Пфайффера, усматривающего в данном источнике доказательство учреждения прижизненного египетского культа Птолемея II, автор доклада указал, что подобному утверждению противоречит факт изображения в левой руке царя пучка Зевсовых молний; и этот символ, чуждый египетской сакральной традиции, выводит изображаемого монарха за рамки египетского пантеона, формально признавая за царем прижизненный божественный статус и при этом сохраняя чистоту местных религиозных воззрений, в то время еще отказывавших правящему фараону в полноценном обожествлении. Завершил работу секции доклад М.Н. Каранева (Нижекамск) «Придворное общество государства Хасмонеев: сходство и различие с “общееллинистической” парадигмой». Он отметил, что институт монархии в государстве Хасмонеев являл собой итог сложного синтеза греко-македонских и иудейских традиций. Подтверждением этого является функционирование придворного общества Хасмонеев, которое формируется в конце II в. до н.э и отражает внутривосточную борьбу в Иудее в период II—I вв. до н.э. между представителями различных религиозно-политических групп. Так, именно следствием подобного противостояния стала гражданская война между Аристоклом II и Гирканом II, приведшая к ослаблению Иудеи и переходу ее под римское владычество. Докладчик сделал вывод о правомочности использования в оценке правящих элит Иудеи таких понятий, как «господствующее общество» и «придворное общество». За исключением религиозной специфики, придворное общество Иудеи хасмонейского периода вполне вписывается в «общееллинистическую» парадигму наравне с прочими малыми монархиями эллинистического мира.

Заседание секции «ΕΛΛΗΝΟΜΑΚΕΔΟΝΙΚΑ» открыл доклад Ю.Н. Кузьмина (Самара) «Есть ли основания считать македонян варварами?». Автор доклада отметил, что вопрос о принадлежности македонян к эллинскому миру или об их исключении из него был крайне политизирован в античности и остается таковым в настоящее время. Обозначение македонян и их царей как варваров некоторыми греками (например, ритором Фрасимахом и Демосфеном) должно рассматриваться преимущественно в русле антимакедонской пропаганды. С другой стороны, имеются литературные и эпиграфические свидетельства о восприятии греками македонян как соплеменников. В свете современных филологических и лингвистических исследований не должно вызывать сомнений отнесение древних жителей Македонии к эллинскому языковому

пространству. Как и греки, македоняне почитали олимпийских богов. Материальная культура македонян, знания о которой обогатились благодаря археологическим исследованиям последних десятилетий, также свидетельствует в пользу их принадлежности к эллинской цивилизации. *А.С. Новосильнов* (Ниžний Новгород) в докладе «Греческая классическая и македонская «варварская» конницы» обратился к исследованию той роли, какую играла конница в военной организации и политике македонского царя Филиппа II. Этот правитель в своей армии смело вводил «варварские» методы ведения боя с использованием конницы, ранее не применявшиеся в государствах Эллады. Были подробно рассмотрены действия собственно греческой и «варварской» кавалерии в различных битвах, прежде всего в сражении при Херонее в 338 г. до н.э. *А.А. Забалуева* (Москва) в докладе «Походный лагерь Дария III и Александра Великого: общее и особенное» рассмотрела и сравнила некоторые элементы походных лагерей Дария и Александра, а именно обоз, состав и число нонкомбатантов. Автор доклада отметила, что в исследованиях, посвященных походу Александра Великого, традиционно значительное место отводится анализу его военной стратегии, тактики, подробному разбору его кампаний, личному и командному составу армии. «Изнанку» его кампании историки обычно обделяли вниманием, что, без сомнений, оставляло лакуну в историографии. Однако лаконичность источников на эту тему меркнет в сравнении с практически полным отсутствием информации о лагере главного антагониста Александра — персидского царя Дария. По мнению автора доклада, попытка сопоставить походные лагеря двух царей может принести интересные результаты, потому что, несмотря на лежащие, казалось бы, на поверхности, различия, у них может быть найдено немало общего. Военно-историческая тематика была продолжена в выступлении *А.А. Клейменова* (Тула) «Александр Македонский и его «варварские» методы покорения дальних сатрапий». Автор отметил, что характерной чертой стратегии Александра Великого во время завоевания Средней Азии и Индии являлось разделение армии на самостоятельно действующие части. Случаи использования данного приема прослеживаются и на более ранних этапах его полководческой карьеры. Македонская практика применения автономных боевых соединений эпохи восточного похода, нетипичная для древнегреческого военного искусства классического времени, восходит к методам ведения военных действий, использовавшимся Филиппом II против племенных сообществ иллирийцев и фракийцев. Как Филипп, так и Александр осуществляли координированные наступательные действия силами нескольких экспедиционных корпусов для подчинения регионов, чье население не образовывало единый военно-политический организм, а являлось совокупностью отдельных племен или небольших государственных образований. *Е.Г. Тейтельбаум* (Казань) в докладе «Македонское военное дело глазами этолийца (речь Александра Исского в историческом контексте)» предпринял анализ речи этолийца Александра в ходе переговоров во время Второй Македонской войны, содержащейся в XVIII книге «Всеобщей истории» Полибия. Этолиец осуждал македонского монарха Филиппа V за то, что он в отличие от своих предшественников во время боевых действий не стремился к генеральному сражению, но делал ставку на разрушение вражеских городов. Этот фрагмент труда Полибия породил распространенные в историографии представления о специфике македонского военного дела. Вместе с тем анализ «Всеобщей истории» и военных конфликтов эпохи эллинизма, как считает автор доклада, позволяет полагать, что подобные обвинения не разделялись самим историком и не отражали реалий эллинистического времени. Речь Александра следует расценивать как литературный прием, призванный наглядно проиллюстрировать пропагандистские установки этолийцев, согласно которым тактика и стратегия Филиппа V носили «варварский характер» и поэтому представляли угрозу для греков.

Первый день работы конференции завершился заседанием секции «Варвары и эллины: свидетельства с периферии». Доклад *В.П. Колосова* (Санкт-Петербург), *А.А. Казарницкого* (Санкт-Петербург) и *А.Н. Берлизова* (Краснодар) «Возможности синтеза археологических и антропологических данных при дифференциации местного и греческого населения азиатского Боспора» был посвящен проблемам изучения античных некрополей Боспорского царства. В нем были рассмотрены возможности дифференциации вариантов погребального обряда и на основе сравнительного анализа археологических и антропологических материалов предпринята попытка идентификации местных (синдо-меотских, скифских, сарматских) и греческих погребальных традиций в памятниках региона. *Д.П. Алексинский* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «*“Imitatio Chalcidiciensis”*: северокавказские подражания греческим шлемам». Автор показал, что археологические находки на землях древней Синдики, в ареале расселения меотских племен, рано вошедших в соприкосновение с греками, демонстрируют контакты в сфере обмена оружейными технологиями. Эллинские изделия, в том числе шлемы, имели здесь широкий спрос. Одной из популярных позиций импорта с IV в. до н.э. стал шлем, относимый

к халкидскому типу. Но только в Прикубанье, в Адыгее и Краснодарском крае обнаруживается серия своеобразных шлемов, представляющих собой, похоже, его местные имитации. На основании формальных и технико-технологических отличий, материала (медь), особенностей декора и локализации находок, по мнению докладчика, можно довольно уверенно предполагать в этих памятниках продукцию местных мастеров, воспроизводивших престижные греческие образцы и адаптировавших их к местной специфике. *А.П. Воскресенский* (Москва) представил доклад «Аспургiane — загадочная общность на греко-варварской земле». Выступление было посвящено проблеме идентификации аспургian — варварской общности, уникальное свидетельство о которой сохранилось в «Географии» Страбона. Проанализировав все имеющиеся источники и рассмотрев основные гипотезы, выдвигавшиеся исследователями по этому вопросу, автор пришел к выводу, что определенно ответить на вопрос о характере этой общности нельзя, однако более убедительной ему представляется точка зрения, что аспургiane не были самостоятельным племенем.

19 мая работали три секции. В четырех докладах на заседании секции «Греки и римляне: институты, политика, религия» основное внимание было сосредоточено на сравнении греческих и римских традиций и институтов. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в своем докладе «Римские магистраты в сопоставлении с греческими: общее и особенное» сформулировала компоненты сравнительного анализа римских и греческих магистратур, возможности и ограничения для его проведения. Основное внимание было уделено сравнению государственно-правового статуса римских магистратов и должностных лиц в греческих полисах (прежде всего, в афинском). Принципиальное отличие, обусловившее многие особенности функционирования магистратур, по мнению автора доклада, состояло в том, что если греческие магистраты были исполнительным органом народного собрания, то римские — носителями делегированного гражданским коллективом государственного суверенитета. *В.В. Дементьева* рассмотрела также дискуссионный вопрос о греческом влиянии на формирование системы римских магистратур в середине V в. до н.э., в связи с чем проследила сходство и различие децемвиров и архонтов. В докладе *Е.С. Данилова* (Ярославль) «Богиня Салюс: между Гигией и Сотерией» был поднят вопрос о месте Salus в античном пантеоне, прослежены обстоятельства становления культового почитания этой богини, олицетворявшей общественное благополучие, ее связь с другими небесными покровителями греческих и итальянских полисов; докладчик подчеркнул, что ее иконографический образ повторяет основные черты богини здоровья Гигии, а также имеет параллели с Сотерией, богиней спасения. При этом образ Салюс обнаруживает зависимость от понимания личности спасителя в римской идеологической традиции. *О.Л. Габелко* (Москва) представил совместный с *А.В. Короленковым* (Москва) доклад «Контрибуции в войнах греко-эллинистического мира и Рима: сравнительно-сопоставительный аспект». Он отметил, что в межполисных конфликтах Греции взимание контрибуции в денежной форме с проигравшей стороны наблюдалось довольно редко, что может быть объяснено целым комплексом причин (особенности общественной психологии и практики ведения войн, относительная бедность многих греческих общин, приоритетное значение плодородных земель, а не движимых богатств, как объекта борьбы между ними и т.д.). Получение контрибуции (в виде «возмещения издержек») чаще всего применялось тиранами, особенно на Сицилии, где предоставлялась возможность пограбить богатых варваров — их постоянных противников карфагенян. Именно опыт сицилийских греков мог быть воспринят римлянами, достаточно часто прибегавшими к наложению контрибуции на противника в войнах на территории Италии, а позднее и систематически — в масштабных конфликтах с Карфагеном и эллинистическими государствами. В свою очередь, эллинистические монархии во II в. до н.э. эта практика, раньше активно не применявшаяся, могла быть заимствована у Рима. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Латинские и греческие прозвища римских императоров» рассмотрел неофициальные наименования правителей Рима, сохранившиеся в латино- и грекоязычных источниках, отметив, что императорские прозвища с более или менее юмористической окраской как продукт индивидуального и коллективного творчества использовались в пропагандистской борьбе и повседневной политической жизни. В некоторых прозвищах, создававшихся городским населением, театральной публикой, риторам и поэтами, мятежными командирами и претендентами на власть, аристократическими оппозиционерами, обнаруживается примечательная взаимодополняющая греко-латинская двуязычность политического дискурса, вобравшего традиции и римского, и эллинского политического юмора.

На заседании секции «Этнические группы в полиэтнических обществах Средиземноморья: особенности взаимоотношений» были заслушаны и обсуждены четыре доклада. *Л.М. Шмелева* (Казань) в своем докладе «Латины, греки, этруски в римско-италийской конфедерации

V – середины III в. до н.э.» обратила внимание на то, что завоевание Римом Италии в V – середине III в. до н.э. привело к возникновению своеобразного политического образования, которое получило в науке название Римско-Италийской конфедерации (союза). Анализ данных античной традиции, а также исследовательской литературы показывает, что статус городов и общин в этой конфедерации в V – середине III в. до н.э. определялся их экономическим потенциалом, стратегическим положением и предшествующими отношениями с Римом, но не этническим или духовным родством с римлянами, что видно на примере Лация и выдвинутых латинами требований в 340 г. до н.э. На римскую политику в отношении союзников не оказывали заметного влияния и представления о родстве между римлянами и греками. В докладе *И.В. Вострикова* (Казань) «Римляне и варвары в афинской эфебии эллинистического периода» говорится о начале допуска иностранцев в эфебию в конце II в. до н.э., что, несомненно, было связано с трансформацией эфебии в элитарный образовательный институт. Сохранившиеся списки эфэбов показывают, что иностранцы, обучавшиеся в эфебии, прибывали из различных мест, однако наиболее часто встречаются среди эфэбов римляне, милетяне, антиохийцы, а также граждане Гераклеи и Лаодикеи (не вполне понятно, каких именно полисов с такими названиями). Кроме того, некоторые эфебы-граждане, судя по их именам, были явно неафинского происхождения, среди которых следует выделить каппадокийских царевичей Ариобарзана и Ариарата. В докладе *М.В. Григера* (Казань) «Греки, иудеи и другие в речи Цицерона “В защиту Флакка”» было отмечено, что речь знаменитого римского оратора «Pro Flacco» – это самый ранний известный нам письменный источник, упоминающий евреев в Риме, и второе по хронологии свидетельство их проживания в столице республики. Цицерон довольно резко характеризует иудеев как народ, оставленный богами, Иерусалим как злое место, а обряд отсылки пожертвований как варварское суеверие (*superstitio*). Однако отношение Цицерона к евреям не связано с античным антисемитизмом. Собственно греки, хотя сам Цицерон и отмечает, что относится к этому народу хорошо, представлены им в речи ничуть не лучше. Многие из того, что говорит нам Цицерон о евреях в данном тексте, в реальности является лишь отражением общей цели и структуры речи защитника на суде. *Л.И. Грацианская* (Москва) выступила с докладом «Варвар этический и варвар этнический у Страбона: теоретические воззрения и практика описания», в котором проанализировала этнографический материал, отразивший представления географа о взаимодействии эллинского, римского и варварского миров, и обратила особое внимание на особенности и закономерности этого отражения, сделав вывод о том, что подход Страбона к проблеме варварства имел преимущественно этический характер и основывался на идее о благотворном цивилизирующем влиянии эллинского и в особенности римского миров на варварский. Всё это необходимо учитывать при использовании конкретной этнографической информации Страбона.

Секцию «Рим и варвары: история и рецепция» открыло выступление *Н.Ю. Бикеевой* (Казань) ««Римский» и «варварский» взгляды на святость правителя (по житиям св. Радегунды VI–VII вв.)». Докладчица подняла вопросы, связанные с представлениями о святости правителя в агиографии эпохи Меровингов, и отметила, что между житиями, созданными практически в один и тот же период, нередко имелись значительные различия. Рассмотрев две духовные биографии королевы-монахини Радегунды (конец VI – начало VII в.), автор приходит к выводу, что определенную роль в этом играла и этническая принадлежность составителей житий. Для Венанция Фортуната, автора первого жития Радегунды, представлявшего «римский» взгляд на святость королевы, ее знатность и происхождение скорее мешают созданию образа святой. В противоположность этому для монахини Баудонивии, автора неримского происхождения, нет противоречия между мирским статусом правительницы и ее благочестием. *С. Карагёз* (Аксагау/Казань) в докладе «Roman Elements in Scandinavian Sagas» (доклад по скайпу) обратил внимание, что поскольку продолжительное время существовала интенсивная торговля между римским миром и Скандинавией, и многие товары из Римской империи, как свидетельствуют результаты раскопок, поступали на ее территорию, память о римлянах оставалась в умах скандинавов вплоть до эпохи викингов и даже позже. То, что Римская империя имела контакты с народами Скандинавии, видно также из античных источников (например, произведений Тацита), которые знали о географическом положении Скандинавии. Другого рода источниками, которые демонстрируют римское влияние на Скандинавию и ее население, являются саги. Исследованию этого влияния и был посвящен доклад. Весьма экзотический сюжет был представлен в докладе по скайпу *И.А. Копылова* (Мехико) «Арианство – “варварская вера”? Взгляд из колониальной Мексики XVII в. (“El Martir del Sacramento” сор Хуаны Инес де ла Крус)». Мексиканская монахиня и просветительница колониальной эпохи сор Хуана Инес де ла Крус (1648–1695) среди прочих многочисленных произведений создала ауто в честь вестготского

царевича Эрменегильда, поднявшего мятеж против своего отца, короля-арианина Леовигильда, и ставшего, по словам папы Григория Великого, «мучеником во имя таинства» — *Martir del Sacramento*. Произведение сор Хуаны подводит определенный итог дискуссиям относительно личности Эрменегильда, которые велись начиная с вестготского времени и закончились канонизацией вестготского принца-католика в 1586 г. по инициативе Филиппа II. Сор Хуана, опираясь на обширный круг источников, начиная от вестготских хронистов и заканчивая позднейшими компендиями Хуана де Марианы и Педро де Рибаденейра, создала противоречивый и многогранный портрет Эрменегильда — мученика за ортодоксальную (никейскую) веру, искренне пытавшегося примирить Истину и Справедливость с Миром и Милосердием, но потерпевшего неудачу. Также вызывает интерес довольно неординарное отношение сор Хуаны к вестготскому арианству: оно ассоциируется у нее не с невежеством, фанатизмом и вероломством «варваров», но с овеванными славой деяниями предков, хотя, безусловно, и квалифицируется как ересь. *В.А. Гончаров* (Воронеж) в докладе «Рим и варвары в европейской музыкальной культуре начала XXI века» показал, что в современном музыкальном творчестве Рим в лучшем случае рассматривается как символ воинской мощи и центр огромной империи, но чаще всего как агрессор и поработитель, тогда как варварские племена Европы (галлы, германцы, иберы, даки) выступают как борцы за свободу и носители самобытной культуры, которую римляне стремились уничтожить.

На итоговом пленарном заседании выступили К. Таплин (Ливерпуль) и С.В. Никоненко (Санкт-Петербург). В докладе *К. Таплина* «*Greeks from a Persian Perspective?*» были собраны и проанализированы все доступные свидетельства о персидском восприятии греков. Автор считает, что если все греческие источники, в которых говорится о восприятии греков персами, отличаются единообразием, представляя собой литературные тексты, то корпус негреческого материала обнаруживает противоположность: большое разнообразие типов источников делает работу по обработке этого материала весьма трудной. Конечно, при написании истории Ахеменидов нужно использовать все источники информации, но не следует уповать на то, что этот негреческий материал разрешит все проблемы. В частности, он крайне мало дает в отношении персидского восприятия военных и политических событий, связанных с греками. *С.В. Никоненко* в выступлении «К вопросу о влиянии традиций Востока на эллинистическую и римскую архитектуру» на основе анализа строительных проектов Александра Македонского, а также памятников таких центров, как Пергам, Баальбек, Пальмира, Эфес и др. показал, какие именно новые художественные формы греко-римская архитектура приобрела под влиянием менталитета Востока. Были рассмотрены репрезентативные функции зодчества этого периода, в частности, такая категория, как «грандиозность», и сформулированы причины существенного изменения идеологического назначения архитектурных комплексов.

Все доклады вызвали большой интерес и сопровождались интенсивными дискуссиями. Редакция журнала приняла решение провести следующую авторско-читательскую конференцию в Ярославле в 2019 г., посвятив ее проблемам исторической географии античности.

Alexander V. Makhlayuk,
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Russia
E-mail: makhl@imomi.unn.ru

А.В. Махлаюк,
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории
Древнего мира и классических языков Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Oleg L. Gabelko,
Institute for Oriental and Classical
Studies, Russian State University for the
Humanities, Moscow, Russia
E-mail: gabelko@mail.ru

О.Л. Габелко,
д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира
Института восточных культур и античности РГГУ,
Москва, Россия

Eduard V. Rung,
Kazan Federal University, Kazan, Russia
E-mail: Eduard_Rung@mail.ru

Э.В. Рунг,
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Института
международных отношений, истории и востоковедения
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия